

Л. Попов, Н.

Исторія

ИСТОРИЯ
императорскаго
ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ

и

ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ.

Д. Чл. Нила Попова.

ЧАСТЬ I. (pt. 1 only)
(1804 — 1812).

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Истории и Древностей Российскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

THE LIBRARY
OF CONGRESS

МОСКВА.

Въ Университетской типографии (М Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1884.

5-3839
104

Ч Т Е Н І Я

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1884 г. кн. 3-я.

УДАЛЕНЫ ЗНТ
22.09.00 70

DK1
M665P65
v.1

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемомъ нынѣ выпускѣ „Исторіи Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, которое дожило до восьмидесяти лѣтъ, излагаются только первыя девять лѣтъ его дѣятельности, связанныя съ славными именами А. Л. Шлецера и Н. М. Карамзина, съ болѣе скромными именами первыхъ предсѣдателей его Х. А. Чеботарева и П. П. Бекетова, а также съ административными распоряженіями тогдашняго попечителя Московскаго Университета П. И. Голенищева-Кутузова. Значеніе этой эпохи въ Исторіи Общества достаточно выяснено въ самомъ текстѣ и говорить о немъ въ предисловіи нѣтъ никакой надобности. Необходимо однакожъ указать на главные источники, послужившіе при составленіи какъ настоящаго, такъ и слѣдующихъ выпусковъ. Этими источниками прежде всего были многочисленныя изданія самого Общества: *Труды и Летописи* (8 книгъ), *Русскія Достопамятности* (3 кн.), *Историческій Сборникъ* (7 кн.), *Временникъ* (25 кн.) и *Чтенія* (127 кн.), а также нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ изданій; затѣмъ подлинныя протоколы и дѣла Общества, сохранившіеся съ Августа 1812 г., дѣла Совѣта и Правленія Московскаго Университета, сохранившіеся въ его Архивѣ съ 1813 г. Но настоящій выпускъ болѣе всего обогатился матеріалами, послу-

жившими главнымъ для него основаніемъ, благодаря обязательному содѣйствію А. Ѳ. Бычкова, которымъ доставлены были автору изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія документы, напечатанные въ I—IX, XI—XVII приложеніяхъ къ первой главѣ, въ I—XI приложеніяхъ ко второй главѣ, въ примѣчаніи 5 къ первой главѣ и 34 ко второй главѣ. Можно сказать съ увѣренностію, что безъ этихъ матеріаловъ исторія первыхъ лѣтъ Общества не могла бы быть представлена съ надлежащею полнотою и въ истинномъ ея характерѣ.

Нилъ Поповъ.

18-го Марта
1884 г.

ГЛАВА I.

Общество подъ предѣдательствомъ Х. А. Чеботарева (1804—1810).

Общия заботы о народномъ образованіи при Александрѣ I. — Признаніе правительствомъ заслугъ А. Л. Шлецера на пользу русской исторіи. — Первый Министръ Народнаго Просвѣщенія гр. П. В. Завадовскій и его взгляды на русскую исторію. — Первый Попечитель Московскаго Учебнаго Округа М. Н. Муравьевъ и его участіе въ успѣхахъ исторической науки въ Россіи. — Учрежденіе при Московскомъ Университетѣ Общества Исторіи и Древностей, по мысли Шлецера. — Первое засѣданіе его 18 марта 1804 года. — Разрѣшеніе Обществу пользоваться рукописями изъ оффиціальныхъ архивовъ и библіотекъ. — Матеріальныя средства и ученые силы Общества. — Труды почетныхъ членовъ: гр. А. И. Мусина-Пушкина, Н. Н. Бантыша-Каменскаго, А. Ф. Малиновскаго. — Первый предѣдатель Общества Х. А. Чеботаревъ. — Его служебная и литературная дѣятельность. — Его взгляды на русскую исторію. — Его личныя качества. — Первый секретарь и казначей Общества. — Дѣйствительные члены его. — Попытка издать русскую начальную лѣтопись по Лаврентьевскому списку. — Задача на премію отъ Университета и Общества о Волохахъ, вытѣсненныхъ Славянъ съ Дуная. — Результаты конкурса. — Мѣдлительность въ дѣйствіяхъ Общества. — Запросъ о ея причинахъ отъ новаго Попечителя П. И. Голенищева-Кутузова. — Его замѣчанія на объясненія, данныя Чеботаревымъ, и донесеніе Министру Народнаго Просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому. — Временное закрытіе Общества. — Последніе годы жизни Чеботарева.

Извѣстно, что въ первые годы царствованія Александра I сдѣлано было чрезвычайно много для народнаго образованія вообще. До тѣхъ поръ принимались разныя мѣры на пользу Русскаго просвѣщенія; но онѣ были отрывочны, не имѣли общей системы, а исполненіе ихъ поручалось нѣрѣдко людямъ, имѣвшимъ и другія заботы.

Въ 1802 году, когда учреждены были Министерства, и управленіе дѣлами народнаго просвѣщенія сосредоточилось въ однихъ

рукахъ, первымъ Министромъ по этой части назначенъ былъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, уже участвовавшій при Екатеринѣ II въ трудахъ Комисіи объ учрежденіи народныхъ училищъ; товарищемъ же Министра и выѣсть съ тѣмъ попечителемъ Московскаго Университета Михаилъ Никитичъ Муравьевъ. Новое Министерство тотчасъ же приступило къ усиленію средствъ для народнаго образованія. 24 Января 1803 года изданы были «Предварительныя правила народнаго просвѣщенія», излагавшія планъ преобразованій, которыя касались не только учреждений, дающихъ высшее образованіе, но и училищъ, предлагающихъ образованіе общее, или такъ называемое среднее, и наконецъ первоначальное. Кромѣ преобразованія Университетовъ: Московскаго, Виленскаго, Дерптскаго, подготовлено было открытіе Университетовъ въ Казани, Харьковѣ, а впоследствии и въ Петербургѣ. Въ большей части губернскихъ городовъ основаны Гимназіи, тогда еще четырехклассныя; почти во всѣхъ уѣздныхъ городахъ открыты или городскія или приходскія училища. Не забыты были также учебныя заведенія съ спеціальнымъ характеромъ. Университеты наполнились профессорами, отчасти вызванными изъ заграницы. Учебныя учрежденія и литературныя общества, основанныя еще въ прошломъ столѣтіи, получили новыя средства; многимъ литературнымъ трудамъ и предпріятіямъ оказаны щедрыя пособія¹. Наконецъ самое открытіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ представляетъ собою такой примѣръ, гдѣ видно личное участіе Александра I въ подобнаго рода вопросахъ.

При такихъ обстоятельствахъ и условіяхъ времени первоначальнымъ, хотя и отдаленнымъ виновникомъ основанія Московскаго Императорскаго Общества явился знаменитый критикъ приписываемой Нестору Лѣтописи, Августъ Людвигъ Шлёцеръ. Первая и вторая части его критики, перевода и объясненій Русской Лѣтописи изданы были, въ Гёттингенѣ въ 1802 году. Когда это сочиненіе достигло Петербурга и экземпляръ его, представленный Императору Александру I чрезъ гр. Н. П. Румянцева, напомнилъ о прежнихъ заслугахъ автора по Русской Исторіографіи, тогда Государь послалъ ему рескриптъ, подписанный 2 мая 1803 года на фран-

¹ См. М. И. Бодановича, *Исторія Царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время* т. I, стр. 136—174. А. Н. Пытина, *Общественное движеніе при Александрѣ I*, стр. 100—108.

русскомъ языкѣ, при коемъ препровожденъ былъ, какъ «слабый знакъ уваженія къ трудамъ» ученаго критика, драгоценный перстень¹. Въ этомъ коротенькомъ рескриптѣ употреблено было между прочимъ такое выраженіе: «Любопытное изданіе Несторовой лѣтописи приобрѣло вамъ новыя права на благодарность русской публики». Это выраженіе, какъ писалъ потомъ самъ Шлѣцеръ графу Румянцеву отъ 6 августа того же года, напомнило ему, что «Россія для таковыхъ случаевъ имѣетъ свои постановленія: я пробѣгалъ вновь, писалъ онъ графу, давно извѣстные мнѣ статуты ордена св. Владиміра, и нашелъ въ упомянутыхъ Императорскихъ словахъ замѣчаніе, что мнѣ можно, исчисливъ оказанныя мною въ теченіе прошедшихъ лѣтъ свои заслуги, теперь уже не столь извѣстныя, для полученія надлежащимъ порядкомъ означенной почести, отнести куда слѣдуетъ». Прося гр. Румянцева о ходатайствѣ предъ Государемъ объ утвержденіи приговора орденскаго капитула и распространеніи связаннаго съ орденомъ дворянскаго званія на дѣтей, при немъ жившихъ, Шлѣцеръ въ тоже время писалъ: «Не могу я скрыть патріотическаго къ Россіи желанія моего, чтобы найти въ Вашемъ Сіятельствѣ покровителя сочиненіямъ, до Россійской Исторіи относящимся. Не только извѣстное благоволеніе Ваше къ симъ сочиненіямъ, но и глубокія въ томъ знанія ваши оправдываютъ сіе мое желаніе. По сему предмету весьма много еще остается сдѣлать, и — по единому повелѣнію Великаго Государя весьма легко сдѣлается! 40 лѣтъ почерпалъ я о томъ знанія и опытности; жаль, если онѣ вмѣстѣ со мной погребены будутъ. Людовикъ Великій приобрѣлъ себѣ въ словесности имя безсмертнаго чрезъ то, что онъ способствовалъ изученію лѣтописей Бицавскихъ (слѣдовательно чужихъ). Чтожъ если въ первые годы Александра I составится полное изданіе древнихъ лѣтописей его государства»²! Желанія Шлѣцера сбылись: онъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени, вмѣстѣ съ дворянскимъ достоинствомъ Русской Имперіи. Въ его гербѣ изображенъ былъ монахъ, представляющій преподобнаго Нестора, перваго лѣтописа-

¹ См. *Chr. v. Schlözer*, August Ludvig von Schlözers öffentliches und privates Leben aus Originalurkunden und mit wörtlicher Beifügung mehrerer dieser letzteren, vollständig beschrieben. Leipzig, 1828; II B., s. I.

² См. современный переводъ письма къ Министру коммерціи гр. Румянцову отъ профессора Шлѣцера изъ Геттингена отъ 6/18 августа 1803 года въ Приложеніяхъ, № I. Срв. также № II.

теля Россійскаго ⁴. Эта награда произвела не малое впечатлѣніе за границей ⁵. А въ началѣ 1804 года гр. П. В. Завадовскій доложилъ Государю, что «извѣстный свѣту по своимъ обширнымъ въ Россійской Исторіи свѣдѣніямъ» Геттингенскій профессоръ Августъ Людвигъ Шлецеръ выразилъ желаніе «соучаствовать съ русскими учеными въ критическомъ изданіи древнихъ русскихъ лѣтописей» ⁶. Александръ I повелѣлъ Завадовскому составить для узаконной Шлецеромъ цѣли Общество «при одномъ изъ ученыхъ сословіи», существовавшихъ тогда въ Россіи.

⁴ Высочайшую Грамоту на пожалованіе Шлецеру ордена см. въ Приложеніяхъ подъ № III, въ переводѣ у *Chr. v. Schlözer*, A. L. v. Schlözers öffentliches und privat-Leben, B. II, s. 2.

⁵ См. напр. № 24 L'Abeille du Nord за 1804 годъ. Не можемъ не обратить вниманія на то, что у митрополита Евгенія приведены два совершенно разные свѣдѣніа о девизѣ на дворянскомъ гербѣ Шлецера. Въ «Матеріалахъ для Историческаго Словаря о русскихъ писателяхъ», на основаніи только что названной газеты, девизъ этотъ читается такъ: «яко да познаетъ родъ нѣтъ, сынове родящіяся, и востануть, и повѣдать я сыновомъ своемъ» (Псал. 77, ст. 6; см. «Сборникъ Статей II Отд. II. Ак. Наукъ», т. V. вып. I, стр. 248); а въ самомъ Словарѣ (М. 1845, т. II стр. 257—258) приведенъ другой девизъ: «Помыслихъ дни первыя и лѣта вѣчная помянухъ и поучахся» (Псал. 76, ст. 7). Последнее показаніе ближе къ истинѣ, хотя и неполно: точно, ибо Высочайше утвержденный 5 января 1804 г. гербъ Шлецера, занесенный въ 115 книгу производства по Герольдмейстерской канторѣ, находящуюся въ Архивѣ Департамента Герольдіи (л. 420) представляетъ: щитъ, раздѣленный на 4 части, изъ которыхъ въ первой, въ лазуревомъ полѣ, изображенъ золотой крестъ; во второй—вѣзанной діагонально отъ верхняго угла, въ красномъ полѣ золотая дворянская корона и въ золотомъ полѣ черное орлиное крыло; въ третьей части щита, въ золотомъ же полѣ, изображеніе преподобнаго Нестора писателя, лѣтописца Россійскаго, съ развернутою предъ нимъ въ красномъ полѣ серебряною книгою съ надписью «Несторъ»; въ четвертомъ полѣ щита на золотому полю горизонтально на черной подложкѣ три серебряныя звѣзды. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною съ страусовыми перьями; наметъ красный и лазуревый, подложка—золото; подъ щитомъ надпись «лѣта вѣчная помянухъ» (сообщено А. Ф. Бычковымъ въ письмѣ отъ 19 декабря 1878 года). Срв. также *Chr. v. Schlözer*, Aug. L. v. Schlözers Leben, B. II, s. 3—6, гдѣ напечатанъ въ нѣмецкомъ переводѣ полный текстъ грамоты на дворянство. Здѣсь девизъ изложенъ такъ: *memor fui dierum antiquorum*. Тотъ же девизъ: «лѣта вѣчная помянухъ» принятъ былъ въ послѣдствіи (въ 1811 году) и Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, по полученіи имъ перваго Устава, для эмблематическихъ изображеній на членскихъ дипломахъ. См. «Записки и Труды Общества», ч. I, стр. LVII.

⁶ Тамъ же, стр. XXXVI.

У гр. Завадовскаго были свои взгляды на Русскую исторіографію. Онъ мало благоволилъ къ древней Русской исторіи и ея изслѣдователямъ, считая единственно достойнымъ для талантливаго историка занятіемъ изложеніе событій, послѣдовавшихъ со временъ Петра Великаго. Вотъ какъ онъ самъ выразилъ эти взгляды въ своихъ письмахъ къ гр. А. Р. Воронцову, который совѣтовалъ ему не покидать чтенія историческихъ писателей. Отъ 20 ноября 1800 года онъ писалъ своему другу: «Ежели не всё, то однакоже многія пробѣжалъ я наши Исторіи и лѣтописи. Хаосъ не очищенный отъ лжи и невѣжества. Стоять одни имена и числа, а прочее все завалено грубыми слоесъ. Отъ глагола къ глаголу, а потомъ изъ книги въ книгу переходили повѣсти, ни разсудительностию, ни явными удостовѣреніями не утвержденныя. Пишущимъ монахамъ не спорили монастырскія стѣны; а міръ легковѣрный, потому что не просвѣщенный, всякую всячину принималъ за истину, яко исходящую отъ святыни. Симъ образомъ, я полагаю, составила исторія нашей древности, *на которую по нутному устремляемъ наше любопытство*. Несторъ первый поступилъ во тьму необъятную, но его факелъ освѣтилъ ли весь нашъ горизонтъ? Въ безднѣ дикихъ народовъ, препиравшихся между собою, едва виденъ Россѣ. Всю полосу до царствованія Іоанна Васильевича должно откинуть *in loca imaginaria*, каковы полагались прежде тѣмъ знали физики за предѣлами земной сферы. Но и сія эпоха перемѣнена подобнымъ образомъ, каковымъ объята широкіе напуски отъ Китая, отъ Чингизхана и отъ вѣрующаго въ Магомета. Потому исторія наша всегда будетъ для читателя скучна, ежели черпать ея хочемъ глубже, а не отъ временъ Петра Великаго. Для просвѣщающагося вѣка *пріятнее повѣсти отъ начала просвѣщенія и отъ основника оного*. Голиковъ записки я читалъ о семъ царствованіи. Исторію Татищева довольно знаю. Изъ нашихъ писателей, у которыхъ, проходя томы, едва встрѣчается строка мыслящаго автора, а не розказни, онъ лучшій. Но онъ, голоденъ будучи за своимъ столомъ, искалъ пищи себѣ въ архивахъ Цареградской, Польской и Шведской. Набитый желудокъ не все сварилъ порядочно. Потому отдаетъ запахомъ гнилымъ хронологія его и родословныя деревья, на коихъ счепилъ иностранные прививки, по своей теплой вѣрѣ¹. Въ письмѣ

¹ См. «Архивъ князя Воронцова», т. XII, стр. 254—255.

отъ 21 генваря слѣдующаго года гр. П. В. Завадовскій еще рѣшительнѣе выразился о болѣе важности и достовѣрности новой Русской исторіи предъ древнею: «Съ Штритеромъ я былъ въ перепискѣ, говоритъ онъ. Онъ свидѣетъ въ нашей древности, но въ томъ сомнѣваюсь, чтобъ и его сочиненіе просвѣтило оную, наипаче когда опускается въ глубину. Всѣ исторіи равны будутъ одна другой, еслии захотимъ набивать нашу память толко бытіями. Тысяча обстоятельствъ, коимъ были или современники, теряются въ глазахъ потомства, замѣчающаго толко великія происшествія, что утвердили судьбу государствъ. Голосъ исторіи не должно спускать на тоны скучныхъ мелодій. Правиль онымъ можетъ къ притяженію нашего любопытства едино то, что заслуживаетъ вниманіе всѣхъ временъ, изображаетъ дарованіе и нравы людей, въ примѣръ и къ наставленію будущихъ родовъ. Почему желаю увидѣть въ новомъ сочиненіи историка мыслящаго и, что еще рѣже, со вкусомъ, чего не имѣлъ трудолюбивый князь Щербатовъ: написалъ премного, чтобъ не читали. *Мое мнѣніе привязано къ эпохѣ Петра Великаго*, потому что отъ времени царствованія его Россія непрерывно восходитъ въ гору. Не оспариваю важности предъидущихъ тому происшествій, что царь Іоаннъ при ослабленіи Чингизскаго поколѣнія, овладѣлъ Казанью, нанесъ ударъ Шведамъ и Литовцамъ; занятіе Сибири, присоединеніе Малороссіи суть значущія дѣла. Но вспомни, какъ первое вверхъ дномъ обращалось, и до колѣкихъ бѣдъ въ свою очередь Шведы и Поляки властвовали. А по двумъ послѣднимъ случаямъ мало пищи для историка, а больше для географовъ. *Писателю просвѣщенному довольно было бы одной страницы, чтобъ напикать всѣ матеріалы на времена до Петра Перваго вмѣстить въ оную.* Но еще не перевелись, и не такъ скоро прейдутъ, любители книгъ за толщину оныхъ. Впрочемъ древнія начала всѣхъ государствъ суть темная ночь, которую я просыпаю безъ сказокъ и безъ сновидѣній, удивившись въ томъ всемірною исторіею»⁵.

При такихъ взглядахъ на древнюю Русскую исторію, графъ Завадовскій конечно не могъ быть самостоятельнымъ исполнителемъ мысли Шлецера, по поводу которой Александръ I повелѣлъ составить Общество «при одномъ изъ ученыхъ сословій», существовавшихъ тогда въ Россіи: вотъ почему онъ поручилъ

⁵ Тамъ же, стр. 258—259.

М. Н. Муравьеву обратиться съ этимъ предложеніемъ къ Московскому Университету⁹.

М. Н. Муравьевъ (род. 25 окт. 1757 года, умеръ 28 іюля 1807 года) «принималъ, по словамъ К. Н. Батюшкова, живѣйшее участіе въ успѣхахъ Университета, которому въ молодости былъ обязанъ своимъ образованіемъ. Онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ наукъ, зналъ древніе языки, соединялъ въ себѣ дарованіе съ искренностію и кротостію»¹⁰. М. Н. Муравьевъ, общественный дѣятель по преимуществу, человекъ для своего времени обширно начитанный и самостоятельно образованный, пользовавшійся не малымъ вліяніемъ на тогдашнихъ ученыхъ и писателей, примыкавшихъ къ Московскому Университету, соединяя въ себѣ всѣ лучшія стороны просвѣщенія, свойственнаго концу прошлаго столѣтія, отличался замѣчательными познаніями въ литературѣ вообще, развитымъ эстетическимъ вкусомъ, едва начинавшимъ водворяться тогда въ произведеніяхъ русскихъ писателей, и готовностію помогать всему, что содѣйствовало успѣхамъ русской словесности, научному движенію и народному воспитанію. Наставникъ Александра І, составитель всѣхъ учебныхъ уставовъ въ началѣ его царствованія, М. Н. Муравьевъ оставилъ по себѣ глубокую память въ Московскомъ Университетѣ. «Домъ Муравьевыхъ былъ тогда средоточіемъ всего возвышеннаго, лучшаго въ обществѣ и литературѣ, сборнымъ мѣстомъ всѣхъ достоинствъ, заслугъ, дарованій»,—замѣтилъ сорокъ лѣтъ спустя послѣ смерти Муравьева М. П. Погодинъ, говорившій на основаніи рассказовъ и преданій своихъ учителей: «Батюшковъ здѣсь воспитывался. Дмитріевъ, Карамзинъ, Жуковскій, одинъ за другимъ принадлежали этому семейству. Нечего говорить о членахъ Московскаго Университета, которые являлись здѣсь, какъ въ отеческомъ домѣ. Моеими учителями были его ученики, профессоры имъ поставленные, уже въ старости,—но я помню, какъ голосъ Мерзлякова дрожалъ, когда онъ начиналъ рассказывать о пріемѣ его Муравьевымъ въ Петербургѣ, какъ суровое лицо Тиховскаго прояснялось, когда онъ говорилъ объ отпращиваніи своемъ въ чужіе края.

⁹ См. «Исторія Общества и дневныя записки его засѣданій», напечатанныя въ I части «Записокъ и Трудовъ» Общества (Москва, 1815), стр. XXXVI. Срв. Приложеній № III.

¹⁰ Въ «Рѣчи о вліяніи на языкъ легкой поэзіи». См. *Сочиненія Батюшкова*, изд. Смирдина.

Съ какимъ чувствомъ поминали его Мудровъ, Пейтсеевъ, Геймъ! Я читалъ письма къ нему Буле, Маттея, Шлецера, Стракова. Это былъ ихъ общій отецъ, другъ, слуга, наставникъ, совѣтникъ, защитникъ, покровитель»¹¹. Историческое Общество принадлежало къ Университету и могло твердо надѣяться на содѣйствіе своимъ предпріятіямъ со стороны М. Н. Муравьева, къ сожалѣнію кратковременное.

Извѣстно, что Муравьевъ содѣйствовалъ назначенію Н. М. Карамзина исторіографомъ, и переписка ихъ показываетъ, какъ Муравьевъ дорожилъ успѣхами русской исторической литературы¹². Муравьева вообще занимала мысль о сравнительномъ или, лучше сказать, *совмѣстномъ изученіи древностей русскихъ съ древностями осемиречными*. Въ его запискахъ сохранилось слѣдующее разсужденіе по этому поводу: «Измѣсканія древностей Россійскихъ привлекли къ себѣ нѣкоторое вниманіе публики. Можно, послѣ Миллера, съ честью упомянуть Шлецера, Стриттера и Новикова, который послужилъ бы болѣе отечеству, оставшись въ предѣлахъ ученія древностей его. *«Византизма»* есть національное сокровище, изъ котораго Нѣмцы будутъ когда-нибудь черпать. *Вольное Россійское собраніе* похѣстило также въ *«Трудахъ»* своихъ нѣкоторые отрывки древностей. Не можно ли было бы соединить съ древностями Россійскими и весь округъ древностей Греческихъ, Римскихъ, Египетскихъ и т. д.»¹³.

Бывъ наставникомъ великихъ князей, Муравьевъ и самъ занимался исторіею вообще и Русскою въ особенности. Его статьи,

¹¹ Слова эти сказаны были по поводу смерти вдовы Муравьева въ «Москвитинѣхъ» за 1848 г. № 5, Внутр. Изв., стр. 76—77. О М. Н. Муравьевѣ, какъ историческомъ писателѣ, собрано нѣсколько свѣдѣній въ статьѣ А. Старчевскаго: «Русская Историческая Литература въ первой половинѣ XIX вѣка»; см. «Библиотеку для Чтенія» за 1852 годъ, т. CXI, отд. III, стр. 1—48. О дѣятельности относительно Московскаго Университета есть много данныхъ въ «Исторіи» сего Университета, написанной Шевыревымъ, и въ жизнеописаніяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ его, которыя помѣщены въ «Биографическомъ Словарѣ». Остается пожелать, чтобы были вполнѣ обнародованы бумаги М. Н. Муравьева, касающіяся не только его дѣятельности по управленію Московскимъ Университетомъ, но и вообще его государственной службы, и перешедшія вмѣстѣ съ древнехранилищемъ М. П. Погодина въ Императорскую Публичную Библиотеку.

¹² См. въ «Сочиненіяхъ Карамзина», изд. Смирдина (т. III, стр. 680—699) письма его къ М. Н. Муравьеву.

¹³ Шевырева, Исторія Моск. Университета, стр. 331.

имѣвшія своимъ содержаніемъ вопросы историческіе, не представляютъ какихъ-либо попытокъ къ научному рѣшенію ихъ, но по крайней мѣрѣ обличаютъ въ авторѣ съ одной стороны начитанность и установившійся взглядъ на предметъ, проникнутый моралистическими ученіями той эпохи, а съ другой—умѣнье излагать свои мысли языкомъ живымъ и яснымъ, напоминающимъ нѣсколько Карамзинскій. Нѣкоторыя изъ этихъ статей несомнѣнно были отрывками изъ уроковъ Александру I. Особеннаго вниманія между ними заслуживаютъ: Краткое начертаніе Россійской Исторіи,—Соединеніе удѣльныхъ княжествъ въ единое государство,—Эпохи Россійской Имперіи,—рядъ статей о различныхъ внутреннихъ вопросахъ древне-русской жизни и такъ-называемые разговоры мертвыхъ, т.-е. различныхъ дѣятелей въ Русской Исторіи¹³. Но всѣ эти статьи имѣютъ главнымъ содержаніемъ своимъ факты; теоретическіе же взгляды Муравьева изложены въ двухъ статьяхъ: «Ученіе Исторіи» и «О Исторіи и историкахъ». Въ нихъ онъ высказываетъ взгляды, почти тождественные со взглядами Карамзина. «Исторія, говоритъ онъ, не есть бесполезное знаніе мало-важныхъ приключеній, которыя случились съ какимъ-нибудь частнымъ человѣкомъ или обществомъ, и которыхъ вліяніе не простиралось далѣе тѣсныхъ предѣловъ его дѣятельности. Исторія, заслуживающая сіе названіе, представляетъ народы, сіи великія семейства человѣческаго рода, проходящія постепенно различные возрасты и состоянія, которыя находятся между грубости дикаго, состоящаго въ непосредственномъ покровительствѣ природы, и между просвѣщеннаго гражданина, который силенъ соединеніемъ своимъ съ тысячами, наслаждается въ спокойномъ обществѣ возвышеннѣйшимъ состояніемъ благополучія, какое только суждено человѣчеству. Отдаленная отъ предразсужденій, отъ ненависти, отъ ласкательства, ревностная для единой добродѣтели, страшная для порока, Исторія обязана истинною человѣческому роду. Она представляетъ будущимъ поколѣніямъ примѣры прошедшаго: подобно какъ зажигаютъ огни на островахъ и возвышеніяхъ посреди моря, усыпаннаго камнями, для избавленія мореплавателя отъ неминуемаго кораблекрушенія; такъ Исторія возноситъ свѣтильникъ свой надъ преткновеніями, которыя угрожаютъ государствамъ бѣдствіями и разрушеніемъ. Она служитъ

¹³ Сочиненія М. Н. Муравьева, изд. Смирдина (Спб. 1856); т. II, стр. 3—116; т. I, стр. 223—273, 330—402.

вмѣсто опытности государственному человѣку. Никакая опытность не можетъ замѣнить помощи, доставляемой Исторіею». Еще любопытнѣе слѣдующія строки, доказывающія, что Муравьевъ ставилъ исторію человѣческаго развитія вообще несравненно выше исторіи политической: «Исторія, совершая торжественный расколъ съ лѣтописью, не удостоиваетъ послѣдовать боязливо наслѣдственному порядку государей, не оставившихъ ей ничего, кромѣ имени, и смѣшавъ ихъ съ толпой толь многихъ тѣней государскаго достоинства, переходить съ поспѣшностію къ происшествіямъ, сдѣлавшимъ эпоху въ нравахъ и благосостояніи человѣчества.... Историкъ долженъ, не ограничиваясь безплоднымъ и утомительнымъ начертаніемъ сраженій, обращать преимущественно вниманіе на событія, способствовавшія успѣхамъ народнаго просвѣщенія, либо замедлявшія ходъ его; въ особенности же достойны вниманія наблюдателя: нравы, образъ мыслей, повѣрья и обычаи Общества» ¹⁴.

Надо думать, что Муравьевъ съ большимъ сочувствіемъ встрѣтилъ мысль объ открытіи Историческаго Общества при Московскомъ Университетѣ: съ одной стороны она вполне отвѣчала его сочувственному расположенію къ историческимъ занятіямъ, съ другой — совершенно совпадала съ его заботами объ успѣшномъ развитіи Университетской дѣятельности. Историка, какъ талантливаго излагателя важныхъ происшествій, Муравьевъ встрѣтилъ въ Карамзинѣ, которому и содѣйствовалъ къ достиженію званія Историографа. Но литературная обработка Исторіи необходимо требуетъ предварительныхъ ученыхъ изысканій, и чѣмъ большее число изслѣдователей участвуетъ въ нихъ, тѣмъ успѣшнѣе и многостороннѣе могутъ быть результаты ихъ. Для такихъ работъ всего полезнѣе соединеніе ученыхъ силъ въ одномъ Обществѣ, и Августъ Людвигъ Шлецеръ не безъ основаній пригласилъ русскихъ ученыхъ къ участію въ критическомъ изданіи лѣтописей. Муравьевъ, сочувствуя этой мысли, помогъ ея исполненію образованіемъ Историческаго Общества при Университетѣ. Изъ собственноручныхъ

¹⁴ Тамъ же т. I, стр. 274—286. Всего любопытнѣе въ этомъ отношеніи первое «Письмо къ молодому человѣку о предметахъ касающихся Исторіи и описанія Россіи». Эти письма предназначены собственно для Александра I, ибо въ первомъ говорится: «Вы, конечно, взяли съ собою въ деревню рукописанія наши, въ которыхъ заключается краткое начертаніе Россійской Исторіи, мною для Васъ сдѣланное» (стр. 242).

отчетовъ его объ университетской дѣятельности за 1803—1804 гг. видно, какъ онъ вникалъ во всѣ потребности Университета, который его содѣйствію и былъ обязанъ тѣмъ, что въ теченіе одного года послѣдовательно одно за другимъ возникли три ученыхъ общества: Исторіи и Древностей Россійскихъ, Испытателей Природы, Соревнователей Медицинскихъ и Физическихъ Наукъ ¹⁵. Извѣщая Ректора Университета, которымъ былъ тогда Х. А. Чеботаревъ, о предложеніи Шлецера и состоявшемся вслѣдствіе его повелѣніи Государя министру Гр. Завадовскому, М. Н. Муравьевъ писалъ: «Графъ Петръ Васильевичъ препоручилъ мнѣ отнестись предпочтительно къ Московскому Университету, дабы онъ, уваживъ всѣ обстоятельства, способы и пространства труда, представилъ начертаніе о составленіи, подъ покровительствомъ своимъ, особеннаго Общества изъ ученыхъ, въ Россійской Древней Исторіи свѣдущихъ, которое могло бы пригласить къ содѣйствію и г. Шлецера, сколько по отсутствію своему можетъ онъ опытностію своею способствовать» ¹⁶.

Какъ встрѣчено было Университетомъ сообщеніе Муравьева, можно видѣть изъ письма Чеботарева отъ 7 марта 1804 года, на имя Гр. П. В. Завадовскаго, которое мы и приводимъ здѣсь вполнѣ:

«Сіяте́льнѣйшій Графъ

«Милостивый Государы!

«Вниманіе вышняго начальства ко вѣреннѣмъ благотворному и мудрому его правленію мѣстамъ и сословіямъ есть самая драгоценная для нихъ награда и возжелѣннѣйшее ободрѣніе. Такогого имѣлъ счастье удостоиться Московскій Университетъ въ благосклонномъ ему отъ Вашего Сіятельства препорученіи по Высочайшему соизволенію учредить Общество Россійскихъ ученыхъ для критическаго изданія лѣтописей Отечественной нашей Исторіи.

«Внемя съ благоговѣніемъ Царско-патріотическому Высочайшему желанію, Академическій Совѣтъ Московскаго Университета поставилъ себѣ первымъ и непреложнымъ долгомъ принести Вашему Сіятельству искренное благодареніе за предпочтитель-

¹⁵ См. *Шевырева*, Исторія Московскаго Университета, стр. 327 — 333 и 336—339.

¹⁶ См. Приложенія подъ № IV.